

Документальный триллер

ПИТЕР НАЙТ

ПОПУЛЯРНАЯ
КОНСПИРОЛОГИЯ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО ТЕОРИЯМ
ЗАГОВОРА

Москва

издательство

РОДИНА

2023

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8
Н 20

Найт П.

Н 20 Популярная конспирология. Путеводитель по теориям заговора / Перев. с англ. Т. Давыдова. – М.: Родина, 2023. – 240 с. – (Документальный триллер).

ISBN 978-5-00222-213-1

«Впервые я задумался о заговорах, когда на экран вышли «Секретные материалы», – пишет автор этой книги, американский исследователь П. Найт. – Мне показалось, что этот фильм специально запустили для меня, словно намекая, чтобы я додумался до чего-то очень важного».

В конце концов, Найт решил собрать и проанализировать все наиболее знакомые массовому сознанию темы: убийство Кеннеди, панику вокруг мировых эпидемий, Новый Мировой Порядок и другие. Его книга стала своеобразным путеводителем по «теориям заговора», попыткой разобраться в конспирологии. Она, по словам Найта, является неизбежным ответом на усиливающуюся глобализацию мира, которая вызывает чувство тревоги и желание понять, что происходит на самом деле.

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

© Найт П. (Knight P.), правообладатели
© Перевод с английского Т. Давыдова
ISBN 978-5-00222-213-1 © ООО «Издательство Родина», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Новый Мировой Порядок	10
«Все связано»	22
Возвращаясь к убийству Кеннеди	84
Имплантаты и «похитители тел»	132
Эпидемии и вирусы	171
«Против нашей воли»	193
Послесловие	235

ПРЕДИСЛОВИЕ

Впервые я задумался о заговорах перед выходом на экран «Секретных материалов». Сначала мне показалось, что этот фильм специально запустили для меня, словно намекая, что я додумался до чего-то очень важного. Но временами попытка проследить бесконечно разветвляющиеся сюжетные линии в «Секретных материалах» вызывала ощущение головокружения, стоило мне попасть (в связи с операциями ЦРУ) в чащобу зеркал. Ощущение, что у тебя голова идет кругом, страх, не отпускающий тебя, и одновременно дикое желание отыскать связность в отрывочных фрагментах — все это не так уж далеко от конспирологических теорий, описываемой в этой книге.

Начиналось это исследование как путь стрелка-одиночки, потом в какой-то момент оно превратилось в заговорщическое сотрудничество. Я многим обязан этому призрачному синдикату теоретиков, специализирующихся по конспирологическим теориям.

В наше время конспирологические теории все реже считаются признаком умственного расстройства. Скорее это ироничная позиция по отношению к знанию и вероятностному характеру истины, реализующаяся в риторической плоскости двойного отрицания. Теперь конспирологические теории предстают в качестве симптома, в котором уже заложен диагноз болезни. Риторика заговора воспринимает себя всерьез, но в то же время ко всему, даже к своим заявлениям, она относится с сатирическим подозрением. Чаще всего современная культура заговора отмечена ставшим привычным цинизмом, ибо люди готовы поверить в самое худшее о мире, в котором живут,

даже если они демонстрируют ностальгическую доверчивость, пребывая в постоянном шоке оттого, что им приходится обнаруживать, что все на самом деле так плохо, как они подозревают.

Чаще всего конспиролога представляют одержимым, ограниченным психом, сторонником правых и поборником крайних мер в политике, у которого вдобавок есть опасная склонность считать обычных подозреваемых козлами отпущения. Но за последние десятилетия образы и риторика заговора перестали быть фирменным стилем одних лишь законченных параноиков. Теперь они получили распространение и в аристократической, и в народной культуре и стали частью обыденного мышления.

За вторую половину XX века случилось немало событий, в результате которых преследование политических целей тайными средствами стало для политического истеблишмента само собой разумеющимся. Предположение, что заговор есть способ объяснения и в то же время средство из политического арсенала, и очертило то пространство, которое можно назвать «культурой заговора».

В этом исследовании будет показано, что теперь в конспирологических теориях уже не столько выплескиваются паникерские страхи по поводу случайного нарушения привычного хода вещей, сколько находит свое выражение не совсем беспочвенное подозрение о том, что в самом по себе привычном ходе вещей есть доля заговора.

Соответственно изменился и стиль культуры заговора: твердая убежденность в существовании конкретного демонизированного врага сменилась циничным и общим ощущением вездесущего — и даже необходимого — присутствия каких-то тайных сил, плетущих заговор в мире, где все связано. Уверенность порождает сомнения, и заговор стал допущением по умолчанию в эпоху, научившуюся никому не доверять и ничему не верить.

Обычно конспирологические теории были направлены на то, чтобы поддержать ощущение, будто бы «нам» угрожают страшные «они», или на то, чтобы оправдать обвинение зачастую невиновных жертв, из которых делали козла отпущения. Однако в последнее время дискурс заговора стал выражать более разнообразные сомнения, а его функции стали более многообразными.

В конспирологических историях отражается неуверенность в том, как именно развивались события в прошлом, недоверие к тем, кто излагает официальную версию событий, и даже сомнение в самой возможности создать связный отчет, внятно объясняющий причины происшедшего. В этих текстах звучат сомнения по поводу того, кого или что винить в запутанных и переплетающихся друг с другом событиях.

Точно так же в риторике заговора воплощается беспокойство о том, контролируем ли мы собственные поступки и, раз уж на то пошло, наш разум и тело. Конспирологический дискурс определяет не только то, где начинается и кончается ответственность каждого, но и пределы нашей телесной идентичности, когда может иметь место вызванная вирусом дезориентация.

Из заикленности на образе заданного врага массовая подозрительность вылилась в общие подозрения, заставляющие верить в существование каких-то сил, замышляющих заговор. По сути, произошел сдвиг от парадоксально безопасной формы паранойи, поддерживавшей идентичность человека, к куда более опасному варианту порождаемой заговором тревоги, вызывающей без конца возвращающееся сомнение во всем и вся.

Короче говоря, теперь мы имеем неисчезающую неуверенность относительно принципиальных вопросов, связанных с причинностью, управлением, ответственностью и идентичностью в эпоху, когда уверенность многих людей в их собственной судьбе и судьбе их государства оказалась под большим сомнением.

При этом утверждение, что и левые и правые стали относиться к конспирологическому мировоззрению как к чему-то само собой разумеющемуся, без сомнения, можно чем-то оправдать. Вместо того чтобы просто еще больше обвинять конспирологическое мышление, упрекая не только обманутые массы, но и так называемых штатных радикалов, было бы разумнее попытаться исследовать, почему прежде крайние взгляды стали мейнстримом и обрели популярность.

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

На протяжении XX века и особенно после создания в 1947 году ЦРУ американская политика все больше и больше полагалась на тайные средства при достижении своих целей, а бюрократическая культура режима секретности стала чем-то само собой разумеющимся.

Спустя год после убийства Кеннеди авторы положившего начало исследования Дэвид Уайз и Томас Росс заявили, что в Соединенных Штатах действует рука «невидимого правительства», создающего «взаимосвязанный скрытый механизм» с привлечением разведслужб, который проводит свою политику. Осведомленный гражданин, как пишут Уайз и Росс, «может заподозрить, что публично внешняя политика Соединенных Штатов нередко проводится в одном направлении, а тайно — стараниями невидимого правительства — прямо в противоположном».

Чаще всего возникновение правительства-двойника связывают с Законом о национальной безопасности (1947) и началом «холодной войны». Считается, что в него главным образом входят представители безмерно разросшихся разведслужб, в том числе ЦРУ, Совета национальной безопасности, Разведывательного управления Министерства обороны, Агентства национальной безопасности, разведслужб армии, ВМС и ВВС, Управления разведки и исследований в госдепартаменте, комиссии по атомной энергии и ФБР.

В результате расследований политических убийств, которые проводились в 1970-х (особенно усилиями комиссии Рокфеллера и комитета Черча, созданного в 1975 году), вместе с Уотергейтом и слушаниями по делу «Иран-кон-